

«Раздвоенность» личности в жизни и творчестве Ф.К. Сологуба

Ашхен Симомян

DOI: <https://doi.org/10.58726/27382915-2024.1-112>

Ключевые слова: творчество, герой, лирика, философия, одиночество, сознание, поэтика

Введение

Ф. Н. Сологуб представляет интерес не только для историков литературы, но и для исследователей в области философии, эстетики, психологии творчества. Приметой эстетики конца XIX – начала XX века становится оригинальность художественного мышления. Проблема авторского сознания становится актуальной для новой поэтики в литературе XIX – XX века. Ф. Н. Сологуб в своем творчестве совершенно свободен в выборе тем и способов подачи материала.

Творчество Ф.Н. Сологуба представляет собой некую проекцию философии субъективного идеализма, где в центре находится абсолютное «я» автора.

Цель данной статьи – проанализировать основные принципы воплощения авторского сознания на уровне субъектной и внесубъектной организации поэзии.

Задачей статьи является: проблема личности автора в едином поэтическом контексте с героями своих произведений, и раскрытие образа поэта с его эстетическими воззрениями.

Актуальность статьи определяется возросшим интересом исследователей и литературоведов к творчеству Ф.К. Сологуба.

«Раздвоенность» личности в жизни и творчестве Ф.К. Сологуба

Творчество одного из крупнейших представителей русского символизма Ф.К. Сологуба (Ф.К. Тетерникова), вызывает большой интерес в последнее время. Являясь продолжателем традиций классической русской литературы, прежде всего Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Ф.К. Сологуб выработал собственный подход к вопросам философии, эстетики, религии, поэтики, создав оригинальную модель мироздания.

Кризис и «раздвоенность» в творчестве Ф.К. Сологуба выражены через мотив познания и заблуждения, утраты правильной ориентации, через разрушения сознания: герой Ф. К. Сологуба постоянно погружается в состояние безумия, иступленного отстранения от действительности, раздвоения и перерождения. Личностное заблуждение отражает общую вопросительную интонацию поэзии Ф.К. Сологуба:

Лампа моя равнодушно мне светит,
Брошено скучное дело
Песня еще не созрела,–
Что же тревоге сердечной ответит?
В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: «Помоги!»
Что я могу?
Снова я грустен и нем.
Где же мой кроткий Эдем?
Что мне делать? Заклинать ли?
Дверь рукою задержать ли?
Но слаба рука моя.» [1].

В большинстве случаев вопрос не находит ответа, становится риторическим восклицанием, выражением жизненной неопределенности, который вызывает только страх и тоску у лирического героя.

Герой Ф. К. Сологуба не может сконцентрироваться в пространстве:

В переулке одиноко...
Но зачем? Вот я уж дома.
А куда же мне идти?
Неотвязная истома
Все запутала пути [2].

Герой не может определиться выбрать жизненный путь или смерть: «Быть может это сон в могильной тишине» [2]; «Еще дышу. Так мало сил / Так жизни мало» [2]; «Она была в гробу живая, / А я за гробом мертвый шел» [2]. Самой большой проблемой лирического героя Ф. К. Сологуба это то, что он не может найти свое место в мире. В результате неопределенности реальной действительности, чужеродности социума герой замыкается в границах своего сознания, которое становится для него наиболее неоспоримой системой координат. Человеку сложно находить конструктивные социальные связи: «Нет тебе друзей в народе» [2]; «Я глубоко печаль затаю, / Замолчу перед слою толпой» [2]. Лирический герой Ф. К. Сологуба с самого начала одинок, и принимает это одиночество как нечто невозможное в своем, личном мире неосуществимой мечтой.

Ситуация одиночества и непонимания, с которой поэт столкнулся еще с детства, была обусловлена, с одной стороны, внешними факторами, а с другой стороны, одиночество было спровоцировано характером его личности. По воспоминаниям современников, с детства Ф. К. Сологуб был скрытным, замкнутым, нелюдимым, предпочитал книги обществу людей. Его литературные увлечения не находили сторонников. В заметках о годах учебы в институте он вспоминает: «Насмешки: поэт и т. д. – Читает Шекспира, прочтет и подражает» [3]. Лирический цикл Ф. К. Сологуба «Из дневника», а также обрывочные впечатления, составившие «Канву к биографии», свидетельствуют о том, что авторская самооценка (непонятого, порочного, застенчивого) сформировалась уже к шестнадцати годам. Мизантропические настроения Ф. К. Сологуба, укреплялись со временем. «Путь спасения Сологуб связывал только с индивидуальной личностью, ее энергией, волей, мечтой» [4]. На протяжении всей жизни поэт страдал обидчивостью, мнительностью, эгоцентризмом, поддерживал близкие отношения с узким кругом лиц, и потеря каждого близкого человека усугубляла разрыв связи с человечеством вообще. Так, летом 1908 года, после потери сестры Ф. К. Сологуб писал В. Я. Брюсову: « Мы прожили всю жизнь вместе, дружно и теперь я чувствую себя так, как будто все люди меня ненавидят» [5].

В конце концов, одиночество стало личным мифом, переместившись из области практической реальности в субъективную позицию победы, которая стала основой для формирования несбалансированной самооценки. Избранность, непонимание окружающими, особый статус личности – Сологуб продолжал воспринимать так собственную судьбу даже тогда, когда находился на пике общественного признания и стал символом высокой поэзии для молодого поколения. «Тогда мы принимали – только бред / И вместе восхищались Сологубом», – писал В. Гиппиус о 90–х годах 19 века [5]. Шарж 1907 года сопровождала патетическая подпись: «Федор Навич Сологуб, ныне славою пасомый» [5]. Ф. К. Сологуб старательно не замечал своей славы. В 1912 году – немногим после триумфального успеха «Мелкого беса», после выхода поэтического сборника «Пламенный круг», единодушно признанного лучшим, – в ответ на памфлет М. Горького опубликованный в «Русском слове»,

Ф. К. Сологуб с горечью высказался: «...и злословить меня удобно именно потому, что я не имею ни популярности, ни влияния, какую мерзость про меня ни напиши, ей поверят. Переменить это я не умею и, по всей вероятности, не сумею. Ну, а через сто лет все это, конечно, изменится, потому что вообще потомки лучше разбираются в деталях предков, чем сами предки» [4]. Ф. К. Сологуб придумал героя и себя также как героев своих произведений, и вымышленный образ иногда доминировал над собственно авторским «я» не только в художественных произведениях, но и в письмах, в публицистике. По словам А. С. Долинина, «центральная его идея: все и всё надо мной издаваются, все и всё строят мне козни. Очень ли это далеко от мироощущения самого Сологуба, от одной органически свойственной ему антитезы: «Я да мир? Думаю, что нет» [5]. Чувство одиночества служило для Ф. К. Сологуба мощным стимулом творческого процесса.

Характер выдуманного авторского образа сосредотачивает лирический герой. На протяжении всего творческого пути Ф. К. Сологуба в лирике с самого начала присутствовала тема болезненности отношений лирического «я» с человеком, недовольство героя собой, его переживания в связи с неадекватной оценкой его творческих способностей и поведенческих особенностей. Комплекс «шута», развлекающего толпу, ощущение собственной неординарности Ф. К. Сологуб пронес через всю свою жизнь («Я лицо укрыл бы в маске», «Шут», «Тебя Господь накажет» и др.) Образ Дон Кихота, превратившийся в одну из мифологем сологубовского художественного космоса был близок автору, в частности, погруженностью в себя, своим безумием и противопоставив себя обществу:

Сквозь проклятья, свист, глумленья, хохот,
Меч утратив, щит, копые, коня,
Добредет к ограде Дульцинеи
Дон-Кихот [1].

Взаимодействие «я» и общества в лирике Ф. К. Сологуба сопровождает тема злого смеха (хохота, насмешки, глумления). В своих литературно-биографических заметках Ф. К. Сологуб отмечает: «Маскарад, как средство осмеяния...» [6, 47]. В соответствии с идеей карнавальной культуры смех выступает атрибутом театральности, подмены реального мира – фальшивым и разрушительным. «Всякий фарс становится в наше время трагедией, смех наш звучит для чуткого уха ужаснее нашего плача, и восторгу нашему предшествует истерика. В старину смеялись веселые и здоровые. Смеялись победители. Побежденные плакали. У нас смеются печальные и безумные, смеется Гоголь. У моего безумия веселые глаза» [7]. Ирония становится «миромоделирующей категорией», приобретает «онтологический статус» как ведущий «структурно-экспрессивный принцип повествования» [8]. Подчеркивается разрушительная сила смеха, его причастность к жестокому социальному миру:

Ты живешь безумно и поганю,
Улица доступная для всех, -
Грохот пыльный, хохот хулигана,
Пьяной проститутки ржавый смех.
Копшата мерзкие подруги.
Злоба, грязь, порочность, нищета.
Как возникнуть может в этом круге
Вдохновенно-светлая мечта? [1]

Таким образом, смех для него становится как один из инстинктов толпы, разделяемый на «проститутку» и «хулиганов», предельное непримиримое противоречие лирическому «я» -

поэта - носителя культуры. Как правило, смех является кульминационной точкой развития социальной агрессии, адресованной герою: «И все кругом хохочут / На каждый твой прыжок» [4].

Закономерно, что попытки лирического «я» сблизится с обществом, проявляются в лирике Ф. К. Сологуба в том числе как попытки предотвратить насмешки окружающих.

Смех в творчестве Ф. К. Сологуба является не столько личным качеством человека, сколько принадлежностью к определенной среде. Способностью смеяться обладают знаковые вещи. Так, например, в романе «Мелкий бес» Передонова дразнят карты: дамы, вальеты, восьмерки-оборотни. Карточные фигуры воплощают в себе некую театральность. Они деформируют человеческий облик, воссоздают его в карикатурном варианте. В картах человек узнает свое неполноценное, пародийное «я». Разрушительная сила смеха проникает в сознание героя, принадлежащего к этому миру, становится свидетелем душевного хаоса, порочности: «И в разрушении вещей вселился древний демон, дух довременного смещения, дряхлый хаос, между тем как дикие глаза безумного человека отражали ужас, подобный ужасам предсмертных чудовищных мук» [9]. Приметы хаотического микрокосмоса «передоновщины» в значительной степени присутствуют в сознании героя сологубовской лирики. Наравне с темой безумия в поэзии актуализируется тема порока, попрания этических норм. Лирический герой постоянно обвиняет себя в греховности. Например, написанная в 15 лет «Молитва покаяния» содержит жанрово-обоснованное самоуничтожение лирического «я».

В грехах прожив все годы лучшие,
Грехами душу осквернить,
В слезах стою овца заблудшая...
И все грехи позорные
Я вижу пред собой [1].

Тема греха, нравственного и психологического несовершенства остается значимой во всем творчестве Ф. К. Сологуба. Природа греховности лирического «я» четко не сформулирована, тем не менее, самооценка героя лирики остается отрицательной. В качестве грехов Ф. К. Сологуб называет: «злость, тоску, тревогу, / И раздражение, и ложь» [4].

Таким образом, значение греха охватывает не сферу поступков человека, а область эмоций, темперамента, личностных особенностей. Герой связывает свою социальную неудачность со своими свойствами характера. Стихотворение, написанное в 1879 году шестнадцатилетним Ф. К. Сологубом, представляет собой попытку проанализировать отношения лирического «я» с окружающими.

Застенчив я, и потому смешон.
Моей неловкости мне часто стыдно.
Когда ж в задор бываю вовлечен,
То говорю и дерзко, и обидно [1].

Ни одна из моделей поведения, выбираемых героем, не находит внешнего одобрения. Образ «застенчивого», «неловкого» юноши, которым тяготится он сам, вызывает общественное презрение. В то же время демонстрация естественности, внутренней смелости, раскрепощенности, «дерзости», «обиды», влечет за собой наказание:

Тогда бранят меня, стыдят, секут,
Как будто бы со мной нельзя иначе,
Как будто бы березовый лишь прут
Мне нужен так, как кнут упрямой кляче [1].

Единственная потенциальная возможность быть принятым обществом подразумевает бесстрастность, независимость от чужого мнения, а также некоторую расчетливость, поведенческую гибкость:

Когда бы я спокойным быть умел,
Я говорил бы кротко и учтиво,
И правду в комплименты б завертел,
И улыбался б вежливо и льстиво [1].

Типаж невозмутимого сверх человека, способного контролировать свои чувства и подчинять себе других, остается идеальным для Ф. К. Сологуба и перманентно воспевается в лирике как предел личностных стремлений. Однако обратная сторона бесстрастности – «окаменевшее сердце» – презирается автором как способ овладеть материальными благами жизни, («Цветы для нагих, вино для смелых») [3, 34]. Отвергая возможность сосуществования с человечеством во властной «беспощадности», признанную единственной, герой приходит к выводу о необходимости полного одиночества, отторжения как сознательного выбора. В лирике развивается оппозиционность отношений между «я» и толпой, прочувствованная лирическим героем.

Ранняя лирика Ф. К. Сологуба в большей степени социальна: тема бедности органично присутствует в ней сплетаясь с сологубовским мифологизмом. Ощущая свою социальную зависимость, герой Ф. К. Сологуба стремится не к революционному изменению мира, а скорее, к индивидуальному признанию, желает приобщиться к числу богатых, влиятельных людей. В лирике выражена тема неосуществимой «надменной мечты» о богатстве, о власти.

Приоритет мечты усиливает комплекс одиночки в лирике Ф. К. Сологуба. Образ мечтателя предельно отдален от человечества. Причины антагонизма заключены в умственной ограниченности обывателей, противопоставленных сверх человеку, творцу.

В ранней лирике вместе с темой отчаяния и одиночества становится актуальной тема дружеской поддержки, взаимовыручки. Стихотворение «В поле не видно ни зги» является первым в группе стихотворений – сигналом о помощи. От лирического героя, несмотря на его «слабость», требуется участие в судьбе неизвестного субъекта: «Брат мой, приблизься ко мне! / Легче вдвоем» [4]. Преодоление жестокости жизни видится в объединении, в близости, позволяющей если не гармонизировать бытие, то преодолеть его: «Вместе умрем». Мотив просьбы о помощи повторяется и усиливается в произведении: «Отвори свою дверь». Лирический герой готов помочь нуждающемуся: помощь становится целью, смыслом человеческого существования.

Заключение

Ф.К. Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников 1863-1927) пользовался большой популярностью до октябрьской революции и как лирик, и как автор романов, и как переводчик поэзии. Он перевел на русский стихи Гюго, Верлена, Рембо, Кучака и Тьерьяна. Поэт-символист считается самым музыкальным даже тогда, когда содержание его стихов вызывает ужас и смятение.

В рамках данной статьи были предприняты попытки рассмотреть концепции одиночества и непонятости, а также философскую концепцию жизни и смерти. Лирический герой Ф.К. Сологуба автобиографичен – это мироощущение автора, преимущественно негативное. Он был сосредоточен в достижении вечной жизни и бессмертия.

DOI: <https://doi.org/10.58726/27382915-2024.1-112>

Литература

Электронные публикации

1. Сологуб Ф.К. Культура. РФ. <http://www.cultur>lampa-moya-ravno>
2. Сологуб Ф.К. Стихи. <stih://stih.su>sologub-f-k>
3. Канва к биографии. Ф. К. Сологуб. Lib.ru: “Классика” <http://lib.ru>sologub>
4. Павлова М.М. Неизданный Ф. Сологуб.. КулЛиб <http://coollib.net>read>
5. Ф. Сологуб. Одна любовь. <https://biography.wikireading.ru>
6. Павлова М. Неизданный Ф. Сологуб. <https://knigogid.com>
7. О специфике интертекстуальности в литературе и кино <https://ciberleninka.ru>
8. Иванова О. Ирония в «Мелком бесе» Сологуба. <https://proza.ru>
9. Мелкий бес – Федор Кузьмич Сологуб (Тетерников) VSE-KNIGI.ORG

Անձի «երկատվածությունը» Ֆ. Կ. Սոլոգուբի կյանքում և ստեղծագործության մեջ

Անիտա Գրիգորյան

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. հերոս, լիրիկա, փիլիսոփայություն, մենակություն, գիտակցություն, պոետիկա

Ռուսական սիմվոլիզմի խոշորագույն ներկայացուցիչներից մեկի՝ Ֆյոդոր Սոլոգուբի (Ֆյոդոր Կուզմայի Տետերնիկովի) ստեղծագործությունները վերջերս մեծ հետաքրքրություն են առաջացրել: Որպես ռուս դասական գրականության ավանդույթների շարունակող (նկատի ունենք առաջին հերթին Ն. Կ. Գոգոլին, Ֆ. Մ. Դոստոևսկուն, Ա. Պ. Չեխովին) Ֆ. Կ. Սոլոգուբը մշակեց իր սեփական մոտեցումը փիլիսոփայության, գեղագիտության, կրոնի և պոետիկայի հարցերի նկատմամբ՝ ստեղծելով տիեզերքի ինքնատիպ մոդել: Հոդվածում դիտարկվում է ռեալիզմի ճգնաժամը Ֆ. Կ. Սոլոգուբի ստեղծագործության մեջ արտահայտված իմացաբանական ապակողմնորոշման, գիտակցության քայքայման թեմայի միջոցով: Մենակության զգացումը Ֆ. Կ. Սոլոգուբի համար ծառայում էր որպես ստեղծագործական գործընթացի հզոր խթան: Ֆ. Կ. Սոլոգուբի ստեղծագործական ողջ ուղու ընթացքում բանաստեղծի քնարերգության մեջ լեյտմոտիվորեն ներկա էր լիրիկական և մարդկային «ես»-երի միջև հիվանդագին հարաբերությունների, հերոսի՝ սեփական անձից դժգոհության, իր ստեղծագործական կարողությունների անհամարժեք գնահատման հետ կապված ապրումների թեման: Ֆ. Սոլոգուբի ճգնաժամը և «երկակիությունը» արտահայտվում են գիտելիքի և մոլորության շարժառիթով, ճիշտ կողմնորոշման կորստով, գիտակցության քայքայմամբ: Ֆ. Սոլոգուբի հերոսը անընդհատ ընկղմվում է խելագարության, իրականությունից կատաղած կտրվածության, պառակտման և այլասերման վիճակների մեջ:

Duality of Personality in the Life and Work of Fyodor Sologub

Ashkhen Simonyan

Summary

Key words: *hero, lyric, philosophy, loneliness, consciousness, poetics*

Recently, there has been a lot of interest in the work of Fyodor Sologub, also known as Fyodor Kuzmich Teternikov, one of the most prominent representatives of Russian symbolism. As a continuer of the traditions of classical Russian literature, first of all N. Gogol, F. Dostoevsky and A. Chekhov, F. Sologub developed his own approach to the issues of philosophy, aesthetics, religion, and poetics, creating a unique universe model. This article addresses the crisis of realism in the works of F. Sologub, expressed through the motif of gnoseological disorientation, i.e. destruction of consciousness. The feeling of loneliness provided Sologub with powerful incentives for the creative process. The topic of morbid relationship between his poetic personality and inner, individual self, the hero's dissatisfaction with his own self and his worries regarding inadequate assessment of his creative capabilities ran like a red thread throughout his entire creative life. Crisis and "duality" in the work of F. Sologub is expressed through the motive of knowledge and delusion, loss of correct orientation, through the destruction of consciousness. The hero of F. Sologub is constantly immersed in a state of madness, frenzied detachment from reality, splitting and degeneration.

Ներկայացվել է 15.10.2023 թ.

Գրախոսվել է 03.11.2023 թ.

Ընդունվել է տպագրության 30.05.2024 թ.